

На обложке:
Крестьянка. 1920-е гг.
Фотограф Н. Петров.
РГАКФД.

Подписаться
на журнал «Родина»
можно по каталогу
«Роспечать»
(индекс 73325).

**ЭКСКЛЮЗИВНОЕ
РАСПРОСТРАНЕНИЕ**
ООО «Компания
«Родина-пресс»
Генеральный директор
Маркарян В. Л.
Т./ф. 242 89 04
E-mail:
inbox@rodinapress.ru,
mvl@rodinapress.ru

Адрес редакции:
127025, Москва,
ул. Новый Арбат, 19,
тел. 203 73 98,
факс 203 75 98.
Отдел подписки:
203 45 36
(С. М. Бусуёк).
E-mail:
istrodina@mail.ru

Рукописи не возвращаются
и не рецензируются.

© Все печатные
и иллюстративные
материалы являются
собственностью журнала
«Родина».

Зарегистрировано
Министерством печати и
информации Российской
Федерации.
Свидетельство № 291
от 24 августа 1994 г.

ISSN 0235-7089

Индекс издания 73325
Отпечатано ОАО
«Кострома». Заказ № 691
156010, г. Кострома,
ул. Самоковская, 10

Наш сайт в Интернете:
www.istrodina.com

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Надежда КАНИЩЕВА Путь к реальной свободе	2	Учредители: Правительство Российской Федерации Администрация Президента Российской Федерации
Александр КУЗЯКОВ «Экономический человек» на русской почве	11	Журнал основан в 1879 году
Василий ЦВЕТКОВ «Откуда есть пошло» Белое движение	15	Генеральный директор ФГУ «Редакция журнала «Родина» В. В. Зубкович
Андрей ГАНИН Придёт ли время есаула Пономарёва?	21	Заместитель генерального директора ФГУ «Редакция журнала «Родина» по творческим вопросам Ю. А. Борисёнок
Татьяна ФИЛИППОВА Марфа и Мария	23	Редакционный совет: Г. В. Вилинбахов, председатель Геральдического совета при Президенте РФ, зам. директора Государственного Эрмитажа А. Н. Кирпичников, доктор исторических наук А. С. Кулешов, зам. начальника управления Главного управления специальных программ Президента РФ Ю. А. Левенец, директор Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины Г. Ф. Матвеев, профессор исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова К. В. Никифоров, директор Института славяноведения РАН Е. И. Пивовар, ректор РГГУ П. В. Стегний, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ А. О. Чубарьин, академик, директор Института всеобщей истории РАН В. Л. Янин, академик РАН
Василий ЖУКОВ «Мощь государства определяют врач, учитель, библиотекарь, священник»	25	
Михаил БАБКИН «Священство» против «царства»?	27	
Митрополит ЛАВР «Церковь – не политическая организация, а богочеловеческий организм»	34	
Семён ЭКШТУТ Странности любви и «мировая закулиса»	38	
МИНУВШЕЕ		Редколлегия: Л. А. Аннинский, обозреватель Т. О. Максимова, ответственный секретарь, редактор отдела повседневной истории А. И. Ольденбургер, главный художник Т. А. Филиппова, зам. главного редактора, редактор отдела проблемной истории С. А. Экштут, редактор отдела исторической илюстрации
Екатерина ДЭВЛЕТ Каяки обрыва Кайкууль	40	Г. А. Луконина, директор по маркетингу тел.: 203 52 17
Леонид ВЫСКОЧКОВ «Дай Боже, вам здорово пить!»	46	Редакторы отделов: С. Г. Антоненко, истории религии А. В. Ганин, военной истории С. В. Кудряшов, архивного дела А. Е. Петров, древней истории
Олег УСЕНКО Царский братец из Лефортова полка	52	А. А. Багаутдинов, фоторедактор В. С. Бондарев, обозреватель В. П. Грицюк, руководитель фотослужбы Ю. Ю. Козырев, специальный фотокорреспондент
Екатерина ЩЕРБАКОВА Новая нравственность «новых людей»	57	Собственные корреспонденты: Л. М. Ермакова, по Уралу и Сибири А. И. Филюшкин, по С.-Петербургу и Северо-Западу России
Андрей ГАНИН Любимые женщины братьев Игнатьевых	64	В. А. Алексеев — системный администратор М. Е. Кузнецова, Е. С. Яценко — вёрстка И. Е. Данилина — корректор В. В. Немчинова — оператор набора В. П. Жбанов — зав. редакцией С. С. Прохорова — зав. приёмной Д. Ю. Таскаев, О. В. Цветкова — бухгалтерия
Василий ХРИСТОФОРОВ «Умирать всё-таки не хочется»	70	Ведущие рубрик: «Российская повседневность» — Н. Б. Лебина, профессор СПб. университета экономики и финансов «Наряд» — Р. М. Кирсанова, ведущий научный сотрудник Института искусствознания Министерства культуры РФ «Конкурс» — Ю. М. Медведев, строитель конкурса «История России глазами современных художников»
Владимир КИРЕЕВ Лимузины в боярских конюшнях	76	
Владимир МАКАРОВ Поручик СД	83	
СТИЛЬ ЖИЗНИ		
Анна СТОГОВА Государственная мудрость легкомыслия	90	
Ольга САРНОВА Сомов. Знаменитый и одинокий	96	
Владимир АРМЕЕВ Щи да каша — пища наша	103	
Семён ЭКШТУТ Льются с этих фотографий океаны биографий...	109	

Василий ХРИСТОФОРОВ,
доктор юридических наук

«УМИРАТЬ ВСЁ-ТАКИ НЕ ХОЧЕТСЯ» Страницы из тюремного дневника Сергея Мельгунова*

Жизнь Сергея Петровича Мельгунова политика и известного учёного-историка, по существу, сама стала Историей.

НАША СПРАВКА

Сергей Петрович Мельгунов родился 25 декабря 1879 года (7 января 1880 года) в Москве. В числе его известных предков можно назвать вологодского и ярославского губернатора, мецената и просветителя Алексея Петровича Мельгунова (1722–1788), одного из видных общественных деятелей середины XIX века Николая Александровича Мельгунова (1804–1857), сотрудничавшего с А. И. Герценом. Отец Мельгунова — Пётр Петрович (1847–1893) был известным историком и педагогом, закончил историко-филологический факультет Московского университета, дружил с Василием Осиповичем Ключевским и другими известными историками¹.

После окончания гимназии в 1899 году Мельгунов под влиянием отца поступил на историко-филологический факультет Московского университета и окончил его в 1904 году. Будучи студентом, с 1900 года стал сотрудником московской либеральной газеты «Русские ведомости».

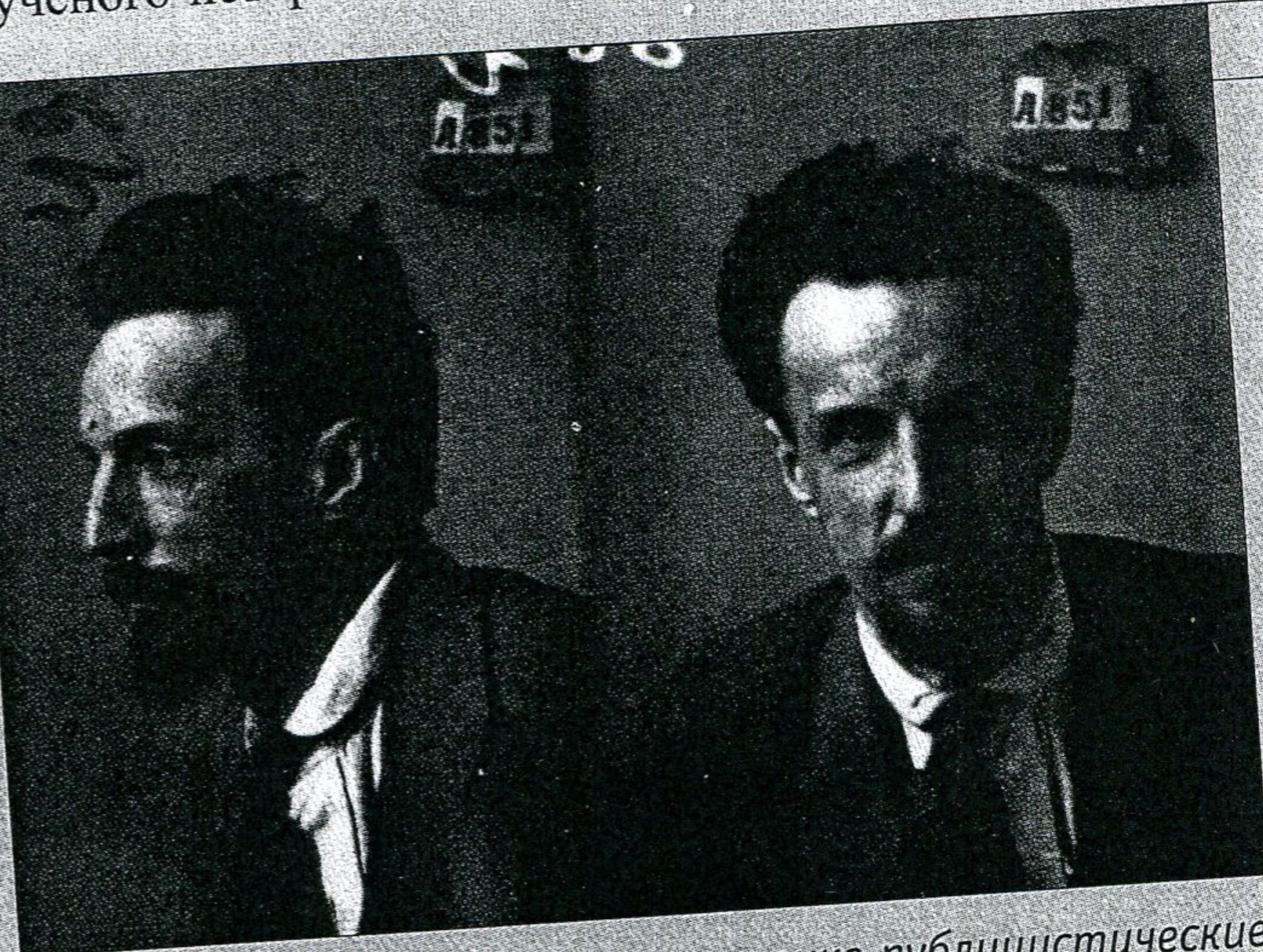
В 1905–1906 годах он отбывал воинскую повинность в 3-й гренадерской бригаде, расквартированной в Ростове Ярославском, но офицерская карьера его не привлекала. Сергей активно включился в политическую и публицистическую работу и оказался в самой гуще бурных событий первой русской революции.

В 1906 году Мельгунов вступил в партию «Народной свободы» (kadетов), где примкнул к левому крылу. Он считал, что кадеты должны «полеветь», но его надежды не оправдались, и в 1907 году Мельгунов переходит на позиции Народно-социалистической партии (энсов). Одновременно в нача-

Революционные события 1917 года побудили Мельгунова продолжить политическую деятельность. Сразу после Февральской революции он вошёл в Оргкомитет Трудовой народно-социалистической партии, а в апреле того же года был избран членом ЦК партии народных социалистов (энсов). Одновременно Сергей Петрович стал редактировать московские печатные органы партии — журнал «Народный социалист» и газету «Народное слово».

В марте 1917 года Мельгунов был назначен ответственным за обследование и приём архивов МВД, Московской духовной консистории и Миссионерского со-

вета, а также возглавил созданную Временным правительством Комиссию по разработке политических дел г. Москвы (Архив политических дел Москвы). Имея доступ к архивным документальным материалам, он приступил к изданию серии «Материалы по истории общественного и революционного движения в России». Однако удалось выпустить лишь один сборник документов Московского охранного отделения «Большевики». Новая власть истолковала это издание как стремление представить историю большевизма в «искажённом виде». Комиссию по разработке политических дел ликвидировали, вместо неё был создан Архивно-политический отдел при СНК Москвы и Московской области. Мельгунов в него не вошёл².

ле 1900-х годов он публикует историко-публицистические материалы в газете «Русские ведомости», журналах «Русское богатство», «Вестник Европы» и других.

В 1911 году он основал кооперативное издательское товарищество «Задруга» и до его ликвидации (в 1922 году) остался председателем правления. За 11 лет своего существования «Задруга» издала более 500 книг по очень широкой тематике.

В период 1909–1913 годов Мельгунов работал преподавателем истории в московских частных гимназиях В. П. Гельбиг и Н. П. Щепотьевой, однако, по собственному признанию, не испытывал интереса и призыва к педагогической деятельности.

Насторожённо встретив Октябрьскую революцию, он начал оппонировать новой власти: поддерживал образование Добровольческой армии, стал одним из руководителей «Союза возрождения России» и «Тактического центра»³. Вновь, как в 1905 году, Мельгунов попал в число неблагонадёжных лиц и стал преследоваться за свои политические убеждения.

Первый арест последовал в ночь на 1 сентября 1918 года. Как позднее писал сам Мельгунов, это произошло «на другой день после покушения на Ленина, в ночь на 1-е сентября 1918 года. Из памяти изгладились подробности условий, при которых проходил обыск и самый арест. И понятно — 23 обыска я пережил в течение советского пятилетия...»⁴.

После длительной беседы с председате-

*Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 06-01-00116а

лем ВЧК Мельгунов был освобождён. Для этого потребовались поручительства представителей общественности, а кроме того, двух коммунистов. В этом качестве выступили врач-стоматолог Павел Дауге⁵ и... сам Феликс Дзержинский.

Мельгунов писал: «Провожая меня в коридор, Дзержинский спросил: не поинтересуюсь ли я узнать, кто второй из коммунистов поручился за меня (полагалось два поручительства), и сказал: «я»! Последовала молчаливая сцена, так как я решительно не знал, что следовало сказать по этому поводу. Для Дзержинского это был красивый жест!»⁶

На свободе Сергей Петрович пробыл недолго, даже не успел получить из Бутырской тюрьмы свои вещи. Приглашение на беседу в ВЧК, последовавшее 5 октября 1918 года, завершилось вторым арестом, но вновь непродолжительным. Уже 9 ноября 1918 года по решению председателя ВЧК Дзержинского Мельгунова освободили из-под стражи.

7 апреля 1919 года его арестовали вновь. И в этот раз количество высокопоставленных ходатайств за Мельгунова не уменьшилось: председатель Московского профсоюза писателей Юргис Балтрушайтис, председатель СНК Украины Христиан Раковский, управляющий делами СНК РСФСР Владимир Бонч-Бруевич... 13 апреля 1919 года Мельгунов был освобождён под подписку ООО ВЧК «об извещении ВЧК о каждом изменении своего жительства».

Следующий, самый серьёзный арест Мельгунова последовал 10 февраля 1920 года в связи с делом «Тактического центра». Сергея Петровича обвинили в участии и руководстве московской группой «Союза возрождения». На этот раз пребывание в тюремной камере растянулось на много месяцев. Мельгунов начал писать воспоминания, вёл бюллетень (стёбочный), а также «свой тюремный дневник», который назвал «Последний год» (несколько дней тюремного дневника). Длительное заключение под стражей оказывало негативное психологическое влияние на Мельгунова. В июле 1920 года Мельгунов подаёт несколько заявлений в Президиум Особого отдела ВЧК, особоуполномоченному ВЧК Якову Агранову⁷. Он отмечает, что его состояние позволяет ему писать только то, что «будет выливаться до некоторой степени в чувство протesta». Мельгунов хотел быть уверен, что, если он опишет своё «дело с субъективной точки зрения, процесс и условия моего пребывания в тюрьме Особого Отдела, у меня эта рукопись не будет отнята, а в случае моей смерти не оставлена в делах архивных Отдела»⁸.

Часть дневников Мельгунова, переданных им из тюремной камеры жене, уже после его кончины были опубликованы в Па-

риже в 1964 году, а затем с дополнениями — в Москве — в 2003-м.

О том, что творилось на душе у обвиняемых перед вынесением приговора по делу «Тактического центра» Ксенофонтовым, красноречиво говорит отрывок из воспоминаний одного из главных обвиняемых князя С. Е. Трубецкого: «Стража нас обыскала, нет ли у нас оружия или яда для самоубийства. Ничего ни у кого не нашли, впрочем, обыск был поверхностный. Я знал, что, по крайней мере у С. П. Мельгунова, яд имелся. Он ещё раньше предложил со мною им поделиться, на случай смертного приговора. Он не хотел быть расстрелянным чекистами. Искренно поблагодарив Мельгунова, я отказался — по принципиальным соображениям. Я предпочитаю быть убитым, чем покончить жизнь самоубийством. Если бы я опасался пытки — чего в данном случае я никак не предвидел, — я, вероятно, яд бы взял»⁹.

Верховный революционный трибунал ВЦИК в решении от 16–20 августа 1920 года признал Мельгунова виновным «в сотрудничестве с контрреволюционной организацией в целях свержения Советской власти путём вооружённого восстания» и осудил его к расстрелу. Высшая мера наказания была заменена тюремным заключением сроком на 10 лет, и 24 августа того же года Мельгунова поместили в Бутырскую тюрьму. Уже в ноябре срок заключения Мельгунову был сокращён до 5 лет по амнистии, а в феврале 1921 года Президиум ЦИК на основании ходатайства Российской академии наук принял постановление об его освобождении и откомандировании «для научных занятий».

В связи с процессом «правых» эсеров 3 июня 1922 года он вновь подвергнут аре-

сту по обвинению «в сношениях с подпольными работниками — членами партии социал-революционеров». Ровно через два месяца, 3 августа, его освободили.

Осенью 1922 года ГПУ разрешило выезд за границу Мельгунову и его жене Прасковье Евгеньевне. За границей политические пристрастия Мельгунова не изменились, он по-прежнему член Трудовой народно-социалистической партии, входил в её берлинскую группу, вёл публичную политическую деятельность.

В 1923–1928 годах Мельгунов совместно с В. А. Мякотиным и Т. И. Полнером издавал историко-литературный журналь «На чужой стороне», с 1926 года название журнала изменилось на «Голос Минувшего» на чужой стороне».

После Второй мировой войны Сергей Петрович продолжал вести исследовательскую работу. Тогда же вышли в свет его книги — «Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки» (Париж. 1951), «Мартовские дни 1917 года» (Париж. 1956), «Легенда о сепаратном мире» (Париж. 1957). Одновременно в 1949–1954 годах он редактировал журнал «Возрождение». 26 мая 1956 года Мельгунов скончался и был похоронен в Шампиньи-сюр-Манн недалеко от Парижа.

18 ноября 1992 года Генеральной прокуратурой на основании п. 3 ст. 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года он был реабилитирован.

Опасения Мельгунова, что его рукопись, написанная во время пребывания в тюрьме Особого отдела, будет отнята, были небезосновательны. В архивном следственном деле Мельгунова 1922 года¹⁰ сохранились неизвестные ранее его некоторые дневниковые записи, которые он вёл в тюрьме Особого отдела ВЧК. Один день записей из тюремного дневника Мельгунова предлагаем нашим читателям.

В последнем ряду третий справа
С. П. Мельгунов. На трибуне
А. В. Пешехонов. 1917 г.

Сергей МЕЛЬГУНОВ

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

3 июля

Раз я решил, что должен прибегнуть к крайнему средству протеста, я должен записать то, что привело меня к этому решению. Мне ещё хочется верить, что социалисты, хоть и тюремщики, найдут в себе достаточно чести, чтобы передать рукопись моей жене. Если и этого не будет, пусть прочитают хотя бы они. Может быть, это заставит некоторых из них призадуматься над своей практикой.

Моё решение твёрдо. В субботу 10-го* я объявляю голодовку, как протест против всего того бесправия, которое царит здесь и которое я переносить просто больше не в состоянии. Мой протест — протест против всех методов следствия, против того недостойного и систематического обмана, которому подвергался: арест моей жены¹¹ и сопровождающие его обстоятельства, которые будут изложены, лишь переполнили чашу терпения.

Я себе ясно отдаю отчёт, что моя голодовка должна кончиться смертью при том самочувствии и физическом, и моральном, в котором я нахожусь. Умирать всё-таки не хочется, как ни мерзко себя я чувствую. Я знаю, каким это будет непомерным страданием для жены. Вот почему откладываю до *последнего*** момента начало реального осуществления своего последнего протesta — жду сообщений и влияния коллективов, к которым прибег, т. е. заявлений, поданных в Президиум Особого Отдела. События могут ускорить начало, ни одного больше оскорблений я не потерплю. Из боязни, что у меня могут быть отняты письменные принадлежности, заявление, подробно мотивирующее мой поступок, написано и лежит наготове: может быть подано в каждый момент.

Я боюсь, что у меня скоро иссякнут силы при начале формальной голодовки, поэтому начинаю записывать ещё 31 июля. Я почти не сплю и почти ничего не ем. Пища противна до бесконечности. Не знаю, что такая невольная тренировка полезна или вредна тому действию, к которому приступлю. Во всяком случае, истощение, вероятно, ослабит муки и, главное, не сделает их столь ужасно длительными: мне всё равно не выдержать этого протesta, следовательно, набираясь сил для долгой борьбы и не имеет смысла.

Странное психическое состояние. Я много страдал, страдал прямо невыносимо, пока не пришёл к определённому решению. И когда оно стало бесповоротно (я решил отказаться от него только в том случае, если будет освобождена моя жена), у меня наступило даже некоторое успокоение. Первый раз в жизни я дошёл до слёз, теперь — скорее некоторая апатия, дающая мне возможность писать, читать я не могу. Но эта апатия не остановит меня. О, нет! Я, как никто, кажется, в жизни, приступаю к самому действенному средству протеста, может быть, в состоянии хладнокровном. Но я не могу по-иному. Да безразлично — моё теперешнее психическое состояние приведёт к другому какому-нибудь эксцессу.

Что меня довело до этого? Я начну, пока ещё могу, издалека. Отчёлгивее выступят тогда все мои переживания. Начну с момента, когда обстоятельства вынудили меня вести полулегальное существование. Я узнал об аресте Н. Н. Щепкина¹² 27 августа в момент, когда уходил из квартиры, предполагая поехать на дачу, чтобы несколько отдохнуть. Я хотел остаться, ибо совершенно не желал, чтобы говорили, что я скрываюсь, если бы обнаружились те или иные мои сношения со Щепкиным.

Я был весной выпущен из тюрьмы на поруки, причём дал обязательство не участвовать в каких-либо вооружённых выступлениях против советской власти. Так как я этого обязательства не только не нарушил, но по своему внутреннему убеждению противодействовал всегда этим бессмысленным в то время выступлениям, так как не имел буквально никакого отношения к чьей-либо военной организации и вся моя политическая роль, мизерная по размерам, в сущности, сводилась к попыткам найти общую позицию с инакомышляющими, которым, казалось, в то время должна была перейти власть, то я считал, что мне и не может угрожать какая-либо существенная опасность.

Жена меня убедила, однако, уехать на несколько дней, пока не выяснятся обстоятельства, тем более что только случайность задержала меня на несколько минут дома. Мы уехали... Через день я узнал уже, что у меня на квартире сидит засада. Если бы я от Особого Отдела просто получил письменное уведомление, что я обязан явиться, так как был в своё время освобождён на поруки, я явился бы беспрекословно. Но идти добровольно в засаду для

меня было психологически невозможно. Я обратился к своим поручителям с запросом, как я должен поступить, тем более что для меня всё же было неясно: продолжаю ли я считаться на поруках, так как прошло более 4 месяцев с момента моего освобождения. От И. И. Скворцова¹³ мне передали на словах, что, по его мнению, я должен поступить так, как мне подсказывает совесть. Ответ неопределённый. Между тем решительно все советовали мне уехать на некоторое время, советовали и коммунисты, указывая на то, что должен просто наступить момент. Я уехал на месяц.

Я вернулся, как только засада была снята. Нас чрезвычайщина заставила отписаться как выбывших. Жена моя вновь поселилась совершенно открыто и официально на квартире. Я же по настойчивому требованию друзей продолжал несколько скитальческий образ жизни; соглашался на это только потому, что слишком противно ощущение каждую ночь у себя на квартире при каждом стуке или звонке ждать появления гостей. Я бывал каждый день в правлении «Задруги», сидел там систематически свои обычные три часа, стал два раза в неделю бывать в редакции «Голоса Минувшего»¹⁴, а по вечерам уезжал. В сущности, это было лучшее, пожалуй, мое время. Я занялся переработкой моих статей по эпохе Александра I и сделал в силу принудительных условий бытия то, что при нормальных условиях не мог выполнить в течение многих лет. Так создалась целая большая книга «Дела и люди Александровского времени»¹⁵. Книга окончена.

Полулегальное существование, к которому был столь непривычен, начинало тяготить до крайности. Однако все продолжали настаивать на нём. Так как жену мою никто не трогал, так как я свободно продолжал бывать несколько раз в неделю у себя на квартире, так как ежедневно бывал в «Задруге» (и мне кажется, что Ч.К. не могла этого не знать, так как в «Задруге», в типографии его был поставлен комиссар из наших же рабочих), так как не раз по официальным делам «Задруги» в качестве её представителя мне приходилось бывать в Государственном Издательстве и в Центрпечати, я лично считал, что могу считать себя почти легализированным, тем более что ни перед Воровским¹⁶, ни перед Малкиным¹⁷ я не скрывал вовсе того двойственного положения, в котором находился. Малкин, в сущности, сделал мне странное предложение как «контрреволюционеру»:

*Вероятно, 10 августа 1920 года. — Прим. авт.

**Слово подчёркнуто Мельгуновым.

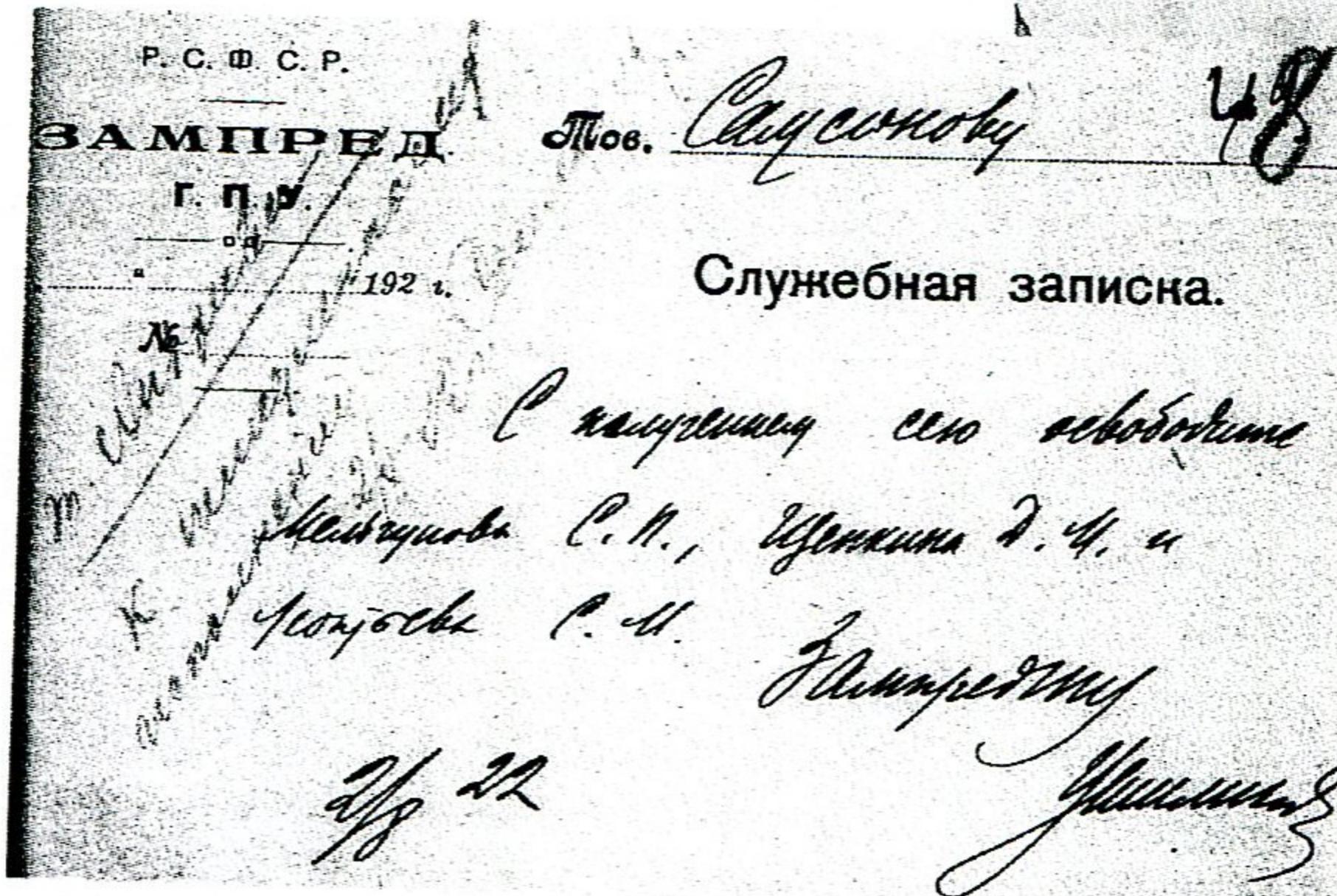
не возьмусь ли я обработать материалы Департамента полиции о Ленине к его пятидесятилетнему юбилею?

Предложение, напомнившее мне о ещё более чудном предложении Кедрова¹⁸ в момент, когда я сидел в тюрьме Особого Отдела, взять на себя редакцию материалов о первых днях революции, найденных в Ставке! Материалы эти он дал даже мне в камеру, и я их прочитал с большим интересом. Малкину я, конечно, сказал, что к юбилею Ленина я что-либо специфическое обрабатывать не буду, а тем более печатать в «Гол[ос]е М[инувшего]». Но если мне будут предоставлены материалы Департамента полиции, то, вероятно, я не откажусь от их обработки ad maiorem gloriam Ленина, а в том виде, как того будут заслуживать материалы, как я принимал участие в обработке материалов о большевиках по данным московского охранного отделения. Сейчас я, во всяком случае, ничего не могу сказать, пока не получу так или иначе легализации, которая даст мне возможность продолжать нормальные занятия. Малкин в ответ на это взялся как бы выяснить моё положение. После выяснения и продолжим разговор, — закончил я эту беседу.

Так как все арестованные в августе в «Задруге» давно уже были выпущены, всё дело о «Задруге» ликвидировано, вопрос о национализации снят с очереди, комиссар отставлен, заведующая Петербургским складом освобождена, началось действительно всё возвращаться к своему старому бытию. К тому же Каменев передал, что раз засада снята, я могу спокойно жить у себя, так как дело ликвидировано. То же было сказано Бончем¹⁹ и некоторыми другими коммунистами, имеющими официальное положение, слова которых не могли быть провокацией.

Я хотел, однако, полной легализации. Мне слишком надоело двойственное положение. Через Керженцева²⁰ я просил выяснить у Дзержинского, могут меня теперь оставить в покое. Ответ получился не совсем определённый: пусть явится, тогда узнает, нужен он нам или нет. Я решил явиться и стал ночевать дома. В то же время я решил обратиться к Рязанову²¹, как к лицу, стоящему во главе учреждения, наиболее близкого по своим функциям к основным моим занятиям. Указывая на то, что я по многим причинам решил отойти от какой-либо активной политики, я просил, не может ли он выяснить, оставят ли меня в покое, если же я признаюсь столь вредным элементом, то не будет ли честнее просто отпустить меня за границу. С этим же обратился и к Платту²²: тот просто ответил — на последнее не согласяся, он (т. е. я) о нас будет писать. Проходили недели, ко мне никто не являлся,

никто меня не трогал. Я считал, что просто В.Ч.К. не хочет давать моральной гарантии о моей безопасности, но и трогать меня сейчас не хочет. Приходилось с этим мириться, но так как моё решение уйти в науку было твёрдо, зрело обдумано и явилось результатом многочисленных соображений, я думал, что, может быть, меня и оставят, в конце концов, в покое. Скрыться мне, конечно, ничего не стоило. Но бежать на юг не для чего было. Бежать за границу? — это можно было бы только по поли-

Последняя страница дневника
С. П. Мельгунова. 1920 г.
«Последний год. Несколько
дней тюремного дневника».

тическим соображениям, т. е. вести реальную политику.

Я решил окончательно поселиться у себя, заявил управляющему, что окончательно вновь переезжаю, и просил его меня прописать. 18 февраля мне по архивным делам надо было пойти к Рязанову, у меня на руках остались материалы, взятые по-крайней мере Козловским²³ из охранного отделения и переданные мне женой Козловской перед отбытием последнего в качестве «польского заложника». Рязанов меня спросил, как я теперь живу. Он одобрил и сказал, что в случае, если с Вами что случится, сошлитесь на меня. Вместе с тем, Рязанов обещал поехать и выхлопотать возвращение в редакцию «Гол[ос]а М[инувшего]» разных материалов, забранных во время обыска. Рязанов твёрдо уверял меня, что теперь никаких неприятностей мне больше не грозит. И в тот же вечер начались эти неприятности и сразу приобрели форму противную. Вернулся вечером домой с заседания Совета «Задруги».

Сидим, благодушествую в тепле, о котором я так истосковался во время своих странствий, пьём чай. Звонок! Жена приходит и сообщает, что пришла какая-то девица из бывшего Общества Политического Просвещения от Герасимова²⁴, очень взволнована и хочет меня видеть. Должен сказать, что на арест Щепкина²⁵ и Леонтьева²⁶ я не обратил большого внимания, так как не ставил этого ареста в связь с известными августовскими событиями. Я вышел к этой девице и провёл её в кабинет. Сра-

зу, конечно, определил, что это сыщица. Она стала мне говорить, что она служит на Поварской, 16, и Герасимову надо меня увидеть. Я ей просто ответил, что Г[ерасимов] знает, что я ежедневно бываю в «Голосе Минувшего» и там веду все беседы, касающиеся книжного дела.

— Нет, ему надо иметь с Вами беседу интимную. Ответив, что в других местах я никаких свиданий не имею, я её выпроводил. Вернувшись к жене, только выразил удивление её наивности и не наблюдательности. Мне ничего не стоило, конечно, надеть шубу и спокойно выйти через чёрный ход, пока мудрая сыщица будет совершать свои дальнейшие шаги. Но у меня не было к этому никакой охоты. Я, конечно, остался и даже занялся чтением сибирских газет, полученных мною для просмотра из Главного Управления по делам архивов. Через пять минут новый звонок, и вновь жена меня вызывает к той же девице, привлекательной наружности, в очень хорошей шубе. Только теперь девица предусмотрительно не закрыла дверь в передней на лестницу. Через минуту появился представитель Особого Отдела.

— Вот, г. Мельгунов, — сказала гордо девица, словно её стараниями, её ловкостью, наконец, изловлен г. Мельгунов. Охранник показал мне ордер об аресте, подписанный днём ареста. Я мог поставить, что только в связи с поездкой Рязанова — хороша гарантия! Пока арестовывавший меня швырялся от одной двери к другой, мне, конечно, абсолютно ничего не стоило

*Я считаю, что вправе предполагать, что
эта рукопись была передана исполнителем
Шепкинским, т. е. телеграфом в то же
время утренней, когда исполнитель, г.
был уже передан участником этого дела
и не спал.*

Р. Мельгунов

*Я считаю, что это рабочее без письма
спасибо на чём-то или из-за забывчивости
и т. д. Я также здесь не знаю, что
запомнил у человека него же.*

148

скрыться: по неизбежности был момент, когда я всё-таки оставался один перед открытой даже дверью. Но всё изложенное выше, казалось бы, должно было достаточно гарантировать то, что мне не суждено оканчивать свои дни в тюрьме.

Произошла незабываемая картина! Девица тут же при мне (до такого цинизма не доходили и жандармы) была оплачена 1000 руб., вынутыми из кармана господином из ЧК. Она было запротестовала: мало. — Ну, довольно — и была выпровожена из квартиры гораздо более решительно, чем я это делал за четверть часа перед ним.

Тысяча рублей! Равны ли они по стоимости денег <...> тридцати серебренникам, не знаю. Во всяком случае, это была сумма, единственная в своём роде и ярко характеризующая навыки, культивируемые во время революции в новых охранных отделениях. Позорно это или нет — судить сейчас не мне. Но это практика, вынужденная только в охранных отделениях. Это я утверждаю определённо.

Жена моя заявила, что надо позвать представителя домового комитета. «Я знаю, что надо делать», — был ответ, и протокол был составлен без тех требований, о которых так часто пишется и которые являются как бы некоторой гарантией от злоупотреблений. Случайные свидетели, впрочем, оказались — А. М. Шуберт²⁷, у нас снимающая комнату, и несчастный Н. Н. Щепкин, явившийся ко мне для приобретения Государственному Издательству ненужных журналу библиографических изданий.

Представитель Ч.К. отправился к телефону: «Нашёл дома, — слышал я разговор, — принимает смутьянов...»

Скоро прибыли стрелки, а затем и сам Агранов. О, он держался чрезвычайно любезно. С его разрешения мне было положено 500 руб. в кошелёк, который, конечно, потом был отобран в Комендантской. С его разрешения я взял книгу «Революция» Кропоткина, чтобы заполнить первые часы ареста. Книга была отобрана. Я хотел взять бумаги и карандашей. «Этого не нужно, — говорит Агранов. — Я Вам гарантирую бумаги и карандаши очинённых, сколько угодно». Я всё-таки взял несколько листиков случайно попавшейся бумаги и красный карандаш. И хорошо сделал.

А[гранов] делал мимолётный допросик. Это неинтересно. Отмечу лишь две незначительных но характерных черты. На моём письменном столе лежали некоторые выписки из «Известий», характеризующие точки зрения, высказывания деятелей террора публично. «Это интересно. Кому Вы посыпаете эти выписки? Хорошо подобрано, хотя и тенденциозно. Это я должен взять». Я пробовал разъяснить, что таких выписок у меня тысячи и это во-

все не означает, что я их куда-то посыпаю. Делаю для своей работы. В столе была газетная вырезка. А[гранов]: «Русские ведомости! Огромное преступление делать вырезки из «Р[усских] в[едомостей]», оказывается, это характеризует миросозерцание. А есть ли в России интеллигентный человек, который в своё время не был бы неизбежным читателем «Русских ведомостей». Агранов, очевидно, в то время забыл, что «Р[усские] в[едомости]» уже не существуют более 12½ лет и что таких вырезок у меня действительно тысячи.

Наконец я вместе с А[грановым] на автомобиле приехал на Лубянку, 2. «До завтра», — говорит неизменно любезный А[гранов] и жмёт руку. Это «завтра» в смысле допроса произошло через семнадцать дней!

Комендантом оказался старый знакомый, тот самый, с которым у меня <...> произошёл скандал ещё на Знаменке, когда меня заставляли выбирать руками кафель из навоза. Но Попов²⁸ оказался человеком хорошим и не злопамятным. О нём уношу только хорошее впечатление. Тем не менее Кропоткин и бумага, взятые как раз для того, чтобы не тосковать первые дни, всегда наиболее тяжёлые в тюремном заключении, были отобраны. Два раза (внизу и вверху) обыскивали.

Итак, я заперт в одной из «меблированных комнат» внутренней тюрьмы Особого Отдела. Эта тюрьма усовершенствованная по сравнению с теми тюрьмами, в которых я был в предшествующие три раза. Тюрьма Советской России по мере укрепления современного государственного режима, таким образом, совершенствуется. Но как странно они прогрессируют не в сторону демократизации, в хорошем смысле этого слова, не в сторону осуществления новых методов тюремоведения? Нет.

«Социалистическая» тюрьма всё больше и больше приближается к старой царской тюрьме с её мелкой регламентацией, с её бездушной сущностью формализмом, когда заключённый почти перестаёт быть личностью и превращается в известный только номер. Чего стоят сами по себе одни только правила, вывешенные в камерах с характерной подписью Управляющего делами Особого Отдела В. Ч. К. Ягода²⁹ «на подлинном подпись «утверждаю». Это инструкция, установленная самим отделом и считающаяся законом, — точь-в-точь, как в Шлиссельбурге. Но там, в этой знаменитой русской Бастилии, Политической тюрьме для каторжан, не было положений, запрещающих, как правило, прогулки и чтение книг. Разве эти правила, безотносительно к их практическому осуществлению, не являются, в сущности, каким-то сплошным издевательством над личностью арестованных, т. е. подследст-

венных пока ещё только, в правилах Отдела, местами именуемых почему-то «арестантами». Но и в арестанте мы привыкли признавать права личности.

Неужели коммунистическая тюрьма не должна подумать об интересах тех, которые в неё попадают даже из числа так называемых контрреволюционеров? Каких мучений стоит одно только хождение в уборную. Всё должно здесь происходить секретно, так, чтобы одна камера не встретилась с другой. Допускаю, что иногда с точки зрения усиленности ведения следствия это целесообразно; иногда, ибо в других случаях результаты могут быть как раз противоположными. Едва ли это надо доказывать. Для этого может существовать одночное заключение, другими словами, временная строгая изоляция. Как правило, изоляция не только вредна, но и преступна, в особенности если она не обставлена соответствующими условиями. Следователь Особого Отдела, сидевший со мной в камере один день, сказал мне, что здесь есть военный, кажется полковник Теодор, который сидит уже 14 месяцев, следовательно, без прогулок, сидит в этой изоляции, не будучи к ней присуждён решением того или иного суда. Разве в царской России был хоть один такой случай? Впрочем, был — Л. в Шлиссельбурге.

...Тому, кто не сидел во «внутренней тюрьме» Особого Отдела, трудно будет представить себе, что вопрос об уборной иногда может явиться своего рода мучительством. По правилам выход в уборную не ограничивается определённым числом раз в день. Надо слегка постучать, и вас как бы должны выпускать. Но правила здесь неизбежно входят в коллизию с бытовыми фактами тюремного обихода. Всё зависит от состава смены дежурных, качества которых, конечно, разнообразны. И не раз приходилось слышать из своей камеры отказ выпустить или грубый оклик — всё зависит, повторяю, от персональных качеств непосредственных тюремщиков. К счастью, большинство может быть отнесено к категории хороших. Естественно, что раз в камере несколько человек, заключённые избегают пользоваться для большой надобности парашами. Ведь параша без воды с дезинфекцией, в крайне редких случаях (при мне за четыре с половиной месяца), только два раза в таких случаях, было бы прямо невыносимо в небольшой комнате, где находится три или четыре человека. И особенно при отсутствии хорошей вентиляции: в замазанных окнах форточки открываются только чуть-чуть, т. е. делают щёлку (лишь летом раскрывают их во всю полноту).

А как быть тем, в чьих камерах нет параш? В моей обычной камере её не было почти четыре месяца. Первые две недели

мне приходилось по настоящему страдать и, вероятно, получить тяжёлую болезнь, если бы переведённый в другую камеру, я не увидел, что люди пользуются бутылками — метод, им рекомендованный сидевшим Бердяевым. Любопытно, что это были люди, впервые сидевшие в тюрьме. А мне, сидевшему много раз, как-то это не приходило в голову. На всякого мудреца довольно простоты. Но это показывает, что прежний тюремный опыт не помогал в данном случае, опыт оказывался в том, что я пришёл и с чайником и с кружкой, а они без того и другого, что в тюрьме тяжёло. Получали казённую кружку и, следовательно, должны ограничиваться тем количеством кипятка, которое вмещается в эту кружку.

Легко себе представить, как ужасно было положение сейчас покойного Герасимова, страдавшего воспалением мочевого пузыря и не «фиктивной», а настоящей уже круглой язвой в желудке! Очевидно, здесь думают, что круглая язва так и остаётся в желудке и делается его органической частью. Конечно, это бывает. Тогда люди умирают. На самом деле она от времени до времени возобновляется, и её возобновления являются при всех ненормальных условиях быта. У Герасимова, хорошо помню, впервые проявилась в очень острой форме болезнь, когда я был в старших классах гимназии. Его считали погибшим. Но он выжил и прожил более 20 лет при правильной диете и более-менее правильном образе жизни. Ему плохо приходилось в тюрьме, куда он попал в первый раз в своей жизни. Организм был уже истощён, потому что последний год существования и

на воле не мог обеспечить правильную диету. Когда у меня был приступ, меня посадили на месяц или два на желе из-под судака, а теперь и судака нельзя было бы достать. Не должна ли демократическая власть принимать всё это в расчёт? Отсутствие элементарной гуманности разве не является издевательством над личностью. Тюрьма в буквальном смысле уморила Герасимова, сидевшего, к тому же, по делу, которое имело в это время только «исторический интерес», как сказано было мне при первом допросе. Он умер в больнице, тогда, когда следствие почти уже кончилось.

В камере 22 [-ой] я три недели просидел вместе с Герасимовым. Он еле-еле двигался. Вид у него был убийственный, хотя ему было всего 57 лет, а не 70, как утверждают здесь. А если бы семьдесят! Тем жёстче было бы обращение с ним. Он хлеба не мог есть — желудок не переваривал. На другой пище, даже усовершенствованной, конечно, долго без передач существовать нельзя, без того, чтобы не дойти до полного физического истощения. На первых порах передачи происходили два раза в неделю, через месяц их свели на раз. Понятно, у Герасимова плохо было в дежурном отношении. Его передачи были малы и несоответственны состоянию его здоровья. Я и отчасти Виноградский³⁰ немного его подкармливали, я делился с ним кофе, маслом, сахаром, простоквашей и молоком. Местный доктор прописал ему усиленное питание. Какая это, в сущности, насмешка — давали вместо 1 ф[унта] хлеба 1½, тогда, когда он мог съесть только ¼, и то с трудом. Давали двойную порцию су-

па, когда он не съедал и одинарной. Нас скоро развели по разным камерам. Не знаю, в какие условия попал Герасимов. Но факт говорит сам за себя. Я скоро от Агранова узнал о его смерти в больнице. «Удивительно то, что люди, знавшие Герасимова, говорили мне, что он так же выглядел и двадцать лет назад», — таково было единственное замечание Агранова, ответственность в смерти которого лежит исключительно на нём.

Такова была судьба Герасимова, больше всех мучившегося от невыносимых условий уборной. Но об этом буду говорить уже завтра. Сейчас становится поздно, слишком часто открывается глазок. Очевидно, слушает, что я пишу в полуслучае. Надо кончать. Сегодня мог кроме двух кружек кофе и чая съесть половину маленького пирожка. Вчера выпил полбутылки молока. Третьего дня ничего не ел. Хорошая диета и лучшее, в сущности, лечение от тошноты. Прискорбно, что в том состоянии, в котором я нахожусь, я не могу писать так, как это было бы нужно для изображения всей действительности. Чувствую: изложение бедно. Нет того подъёма, который заставляет перо «дышать мечтой», как было тогда, когда Курбский писал свой знаменитый ответ Грязному. Но факты всегда останутся. Может быть, они, в конце концов, будут говорить сами за себя. Как боюсь, однако, что буду отсюда переведён и не успею всего запечатлеть на бумаге. Я начинаю смотреть на это, как на свой почти долг.

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-17175. Приложение. Л. 20–29. Подлинник. Рукопись.

Примечания

1. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники//Составление, примечание и подготовка текста Ю. Н. Емельянова. М. 2003. С. 8–9; Репников А. В. Судьба историка//Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту//Под ред. А. В. Репникова. М. 2003. С. 9.
2. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. С. 12.
3. «Тактический центр» — антибольшевистская организация, объединившаяся в апреле 1919 г. в своих рядах членов Совета общественных деятелей (Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев), «Национального центра» (Н. Н. Щепкин, О. П. Герасимов и С. Е. Трубецкой) и «Союза возрождения» (Н. Н. Щепкин и С. М. Мельгунов).
4. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. С. 342.
5. Дауге Павел Георгиевич (1869–1946) — участник российского и латышского революционного движения, врач-стоматолог.
6. Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 353–354.
7. Агранов Яков Саулович (наст. имя, фам. и отчество Соринсон Янкель Шмаевич, Шевелевич; 1893–1938) — политический и государственный деятель, большевик. Особоуполномоченный ОВЧК (май 1919–1920).
8. ЦА ФСБ РФ. Р-17175. Приложение. Л. 15 об.
9. Трубецкой С. Е. Минувшее. М. 1991. С. 283.
10. Об аресте С. П. Мельгунова в 1922 г.

- см.: С. П. Мельгунов — пассажир «философского парохода». Предисл. В. С. Христофорова//Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 119–140.
11. Мельгунова Прасковья Евгеньевна (урожд. Степанова; 1881–1974) — историк, публицист, жена Мельгунова.
12. Щепкин Николай Николаевич (1854–1919) — политический деятель, кадет. Входил в ряд антибольшевистских организаций: «Правый центр», «Союз освобождения России», «Союз возрождения России», «Национальный центр». 28 августа 1919 г. был арестован чекистами и после допросов расстрелян.
13. Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870–1925) — публицист, государственный и политический деятель, большевик. В 1917 г. — член Московского ВРК, первый нарком финансов РСФСР.
14. «Голос минувшего» — исторический журнал (1913–1922; Москва). Редактор-издатель С. П. Мельгунов в соавторстве с В. И. Семёвским, П. Н. Сакулиным и А. К. Дживелевым.
15. Осуществить это издание Мельгунову удалось только в эмиграции. Книга вышла в свет в 1923 г. (Берлин, изд. «Ватага»).
16. Воровский Вацлав Вацлавович (1871–1923) — политический и государственный деятель, большевик.
17. Малкин Борис Фёдорович (1891–1938) — партийный и государственный деятель, большевик. После октября 1917 г. член Президиума ВЦИК II и VI созывов, руководил

- Петроградским телеграфным агентством, был одним из редакторов «Известий».
18. Кедров Михаил Сергеевич (1878–1941) — политический и государственный деятель, большевик. С января 1919 г. начальник Особого отдела ВЧК, затем член Коллегии ВЧК.
19. Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) — партийный и государственный деятель, большевик. В 1917–1920 гг. — управляющий делами СНК РСФСР.
20. Керженцев Платон Михайлович (наст. фам. Лебедев; 1881–1940) — политический и государственный деятель, большевик. В 1919–1920 гг. — ответственный руководитель РОСТА (Российского телеграфного агентства).
21. Рязанов Давид Борисович (наст. фам. Гольдендах; 1870–1938) — публицист и историк, политический деятель, большевик. С мая 1918 по декабрь 1920 г. возглавлял Главархив.
22. Платт — ростовский адвокат.
23. Возможно, речь идёт о Л. С. Козловском, так как Мельгунов располагал о нём ошибочными сведениями. Козловский Лев Станиславович (1877–1927) — историк, публицист. В эмиграции с 1919 г.
24. Герасимов Осип Петрович (?–1920) — историк, государственный деятель. Дважды был товарищем ministra народного просвещения (до и после февраля 1917 г.). В 1918–1920 гг. — член «Тактического центра».
25. Щепкин Дмитрий Митрофанович

- (1879–1937) — политический деятель. В 1918–1919 гг. член антибольшевистских организаций «Национальный центр» и «Тактический центр». Арестован 31 января 1920 г.
26. Леонтьев Сергей Михайлович (1879/1880–1938) — общественный и политический деятель. Участник антибольшевистской организации «Тактический центр». Арестован 10 февраля 1920 г.
27. Шуберт Анна Михайловна (?–?) — сотрудница Школьно-санитарного отдела Наркомздрава, знакомая С. П. Мельгунова.
28. Попов Михаил Викторович (1889–?) — сотрудник органов безопасности. В 1911–1917 гг. служил в армии; подпрапорщик л.-гв. Кирасирского полка. В органах безопасности с декабря 1918 г. С декабря 1918–1919 гг. комендант военного контроля ОВ ВЧК. В 1919–1920 гг. помощник коменданта и начальник внутренней тюрьмы ОВ ВЧК. В 1921 г. комендант ОВ Кавказского фронта, комендант Бутырской тюрьмы МЧК.
29. Ягода Генрих (Енох) Григорьевич (Гершенович) (1891–1938) — государственный деятель, большевик. В 1920–1922 гг. — член Коллегии ВЧК и управляющий делами ВЧК — ГПУ.
30. Виноградский Николай Николаевич (1883–1931) — юрист. Арестован ВЧК в Москве 10 февраля 1920 г. На процессе по делу «Тактического центра» дал «признательные показания».